

ОТЗЫВ

официального оппонента С. Л. Фирсова на диссертационную работу

Алексея Львовича Беглова

«ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.: СОСТОЯНИЕ, ДИСКУССИИ, РЕФОРМЫ»

представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Тема, избранная для диссертационного исследования Алексеем Львовичем Бегловым, безусловно, должна быть признана и актуальной, и важной для исторической науки, имеющей предметом своего исследования последние предреволюционные десятилетия существования самодержавия в России. Сказанное, прежде всего, касается церковной проблематики, поскольку в течение десятилетий, вплоть до начала 1990-х годов, в Советском Союзе изучение прошлого Православной Российской Церкви было изначально предвзятым, преследовало не столько исследовательские цели, сколько цели идеологические, связанные с господствовавшим в стране официальным атеизмом.

В качестве аксиомы советские историки обязательно указывали на то обстоятельство, согласно которому Церковь всегда являлась *лишь* «верным слугой» самодержавной государственности, врагом всех «прогрессивных» начинаний и выступлений передовых деятелей отечественной науки, литературы, публицистики, общественных деятелей. А поскольку самодержавие воспринималось и оценивалось сугубо негативно, то и Церковь, соединённая с ним «симфоническими узами», характеризовалась точно также. То, что представляла собой эта «симфония», специально не изучалось, хотя в конце XIX – начале XX веков многие «нестроения» в отношениях Православной Церкви и Российского государства свидетельствовали об их кризисе. Однако отечественных учёных, вплоть до Перестройки, более занимала (если занимала) борьба Церкви с «народными движениями», с революцией, поддержка её архиереями и священнослужителями светских властей, чем

многочисленные вопросы, порождённые синодальной «симфонией», которые волновали православных архиереев, клириков и активных мирян.

На мой взгляд, это наиболее ясно видно при рассмотрении вопроса о реформе православного прихода, полноценного анализа которого до сих пор проведено не было. Работа А. Л. Беглова эту лакуну закрывает. Нельзя сказать, что «приходской вопрос» игнорировался российскими учёными, в постсоветский период получивших возможность без идеологического давления изучать церковно-государственные отношения. Обращались к нему и западные исследователи (например, профессор Грегори Фриз). Но никто из них, насколько мне известно, не смог столь глубоко и всесторонне подойти к названной теме, позволяющей понять, чем являлся приход как социальная структура, почему в его реформировании многие компетентные современники видели одну из принципиальных возможностей реформирования Православной Российской Церкви, считая, что реформы давно назрели и их откладывание «Ad Calendas Graecas» может иметь фатальные последствия.

Впрочем, работа А. Л. Беглова много шире, чем следует из её названия. Она представляет собой объёмное исследование, состоящее из двух томов, общий объём которого составляет 1057 страниц. Собственно, первый том можно считать своеобразным введением в проблематику, тем более, что первая его глава (С. 42 – 111) целиком посвящена предыстории вопроса («*Древнерусский приход и его трансформации в конце XVII – начале XIX вв.*»).

Оправдан ли такой подход?

Полагаю, что он может считаться в целом оправданным. Без рассказа о том, что представлял приход как в Древней Руси, так и в первые полтора столетия существования Синодальной Церкви, вряд ли было бы возможно понять и объяснить причины его кризисного состояния, как ко временам Великих реформ императора Александра II, так и в эпоху двух последних царствований. А. Л. Беглов показывает процесс превращения духовенства в замкнутое сословие, справедливо отмечая что процесс этот начался в XVIII веке. Он так

же обращает внимание на то, что в веке XIX государственным интересам был подчинён и православный приход.

Особенно важным в этой связи представляется обращение автора к реформе 1808 года, ставшую закономерным результатом государственной политики, направленной на дезинтеграцию прихода и сельской/посадской общины, а также на подчинение духовного сословия (ставшего по существу «кастой») государственным интересам. А. Л. Беглов, к сожалению, специально не указывает, что это было закономерно и логично (опять же, с точки зрения общеимперских интересов, откровенно проводимых в жизнь со времён Петра Великого), но показывает на обширном материале, *как это было и к чему привело*. Регламентация приходского хозяйства, получившая своё обоснование в инструкции церковным старостам 1808 года и приведшая к атрофии приходских институтов, стала новым шагом на пути к всеобщей унификации (тем более, что Российская империя была государством конфессионально пристрастным и её правители достаточно прочно усвоили мысль о том, что самодержавие не терпит двоевластия ни в чём, включая Церковь). Появление «теневой приходской экономики» в этой ситуации следует признать побочным, но вполне естественным, если не неизбежным, последствием политики унификации (или, используя выражение автора, «государственный утилитаризм»).

О том, как эту политику – прилагательно к приходу – пытались изменить, модифицировать, речь идёт во второй главе работы (*«Приходские преобразования в эпоху Великих реформ и пореформенный период /1860-е – 1900-е гг.»*). На ста пятидесяти страницах А. Л. Беглов последовательно анализирует статистические материалы; проблему реформы прихода в контексте реформ 1860-х годов; состояние прихода в городе и на селе; приходские попечительства; сословность духовенства в эпоху Великих реформ и в пореформенный период; приход как объект фискальной политики; «приходскую реформу по К. П. Победоносцеву». В этой же главе автор рассматривает имперское законодательство о православном приходе к началу 1890-х годов и приходские институты; мнения епархиальных

преосвященных о приходских попечительствах; земские проекты переустройства православного прихода; исследовательские и публицистические работы (П. В. Знаменского, протоиерея Александра Иванцова-Платонова, А. А. Папкова); а также «случай Финляндии»: попытку изменений в жизни прихода на иноконфессиональной окраине империи.

Таким образом, во второй главе А. Л. Беглов затронул самые разные темы, попытавшись всесторонне показать и охватить все стороны исследуемой им приходской проблемы. Проводя детальный анализ и статистической материала, и публицистических выступлений современников, касаясь «церковной рефлексии» на вопрос о реформе прихода, он осторожно замечает, что «сословность священников в Российской империи на рубеже 1900 – 1910-х гг. была всё ещё очень высока», а также, что «консолидированное [духовное – С. Ф.] сословие, как показала полемика вокруг приходского вопроса 1900-х гг., без всякого энтузиазма воспринимало перспективу большего участия прихожан в приходских делах» (С. 198, 199).

Думается, это – чрезвычайно важные замечания, позволяющие лучше разобраться в социально-психологических аспектах приходского вопроса, точнее сказать – в восприятии этого вопроса представителями православного духовенства. Вероятно, иначе и быть не могло, поскольку за многие десятилетия синодальной церковности сформировались специфические традиции отношений священника и паствы (равно как архиерея и священника), радикально реформировать которые путём создания какого-либо нового законоположения было проблематично. Автор прав, когда пишет о приходской реформе «по Победоносцеву»: «противоречивые полумеры, призванные законсервировать существующую ситуацию, не соответствовали политической и общественной обстановке начала XX в.» (С. 243).

В том-то, думается, и заключалась основная проблема: политическая и общественная обстановка в стране диссонировала с той моделью монархической государственности, которая имела место быть в России, но лишь эту модель тот же К. П. Победоносцев считал

единственно возможной, будучи сторонником «унификации» не в меньшей степени, чем синодальный обер-прокурор второй четверти XIX века граф Н. А. Протасов. К концу XIX в., в годы правления ведомством православного исповедания К. П. Победоносцевым, имперское законодательство, касавшееся прихода, говорило о причте, о церковном старосте, о представителях прихода при освидетельствовании церковных сумм, и приходском собрании. Эти четыре институции, как показывает А. Л. Беглов, не могли содействовать «оживлению прихода», о котором, чем дальше, тем больше говорила православная общественность, церковные публицисты и исследователи. Проблема, на мой взгляд, в том и состояла, что реформа прихода была прочно увязана с общецерковными реформами, а эти последние – с демонтажем синодальной системы, то есть с «переформатированием» «симфонических отношений», существовавших между Церковью и царством. По большому счёту, подобного «переформатирования» не желали и члены Св. Синода, искренне считавшие, «что право выступать с какими-либо предложениями о церковных преобразованиях принадлежит только ему» (С. 291).

А. Л. Беглов показывает это, говоря, среди прочего, о земских проектах. Как мне представляется, не следует также забывать, что подобные проекты, равно как и публицистические выступления русских церковных писателей (будь то Д. Ф. Самарин или А. А. Папков) не могли быть востребованы светской (имперской) властью ещё и потому, что церковные вопросы/интересы не являлись для неё приоритетными. Автор настоящей работы, судя по представленным материалам, это прекрасно понимает.

Основная глава оппонируемой работы А. Л. Беглова – третья («*Приходская проблема в 1903 1916 гг. и попытки реформ*»). Не преувеличивая, можно сказать, что сама по себе эта глава вполне может претендовать на то, чтобы быть представлена в качестве полноценной диссертации. И дело не только в её объёме (416 страниц). Дело в том, что в этой главе в развёрнутой форме представлены все основные моменты обсуждения приходского вопроса: его предыстория накануне и в годы Первой российской революции 1905 – 1907

гг.; рассмотрение в Отзывах епархиальных преосвященных 1905 – 1906 гг.; рассмотрение в работах Предсоборного присутствия 1906 г.; анализ деятельности Особого совещания для выработки проекта о православном приходе 1907 г.; судьба приходского устава в первые послереволюционные годы (1908 – 1911 гг.); обсуждение в публицистических сочинениях и научных работах 1908 – 1912 гг.; думские законопроекты; политическая борьба в 1911 – 1915 гг. (во время руководства духовных ведомством В. К. Саблера); наконец, преобразования в конце 1916 – начале 1917 гг., связанные с именем Петроградского митрополита Питирима (Окнова).

Автор скрупулёзно изучил все основные предложения по реформированию православного прихода, выдвигавшиеся заинтересованными современниками, а также их критику, роль, значение и инициативы в приходском вопросе обер-прокуроров Св. Синода – П. П. Извольского, С. М. Лукьянова, В. К. Саблера, А. Н. Волжина. На огромном фактическом материале он доказал и показал, что именно финансовое бремя, лежавшее на приходах империи, особенно часто вызывало конфликты между прихожанами и священниками, что, чем дальше, тем больше давал о себе знать кризис территориальности православного прихода. Постоянно подчёркивая пагубность нерешённости приходского вопроса для Православной Российской Церкви, А. Л. Беглов справедливо, на мой взгляд, отметил, что вопрос о соборной реформе возник в переписке С.-Петербургского митрополита Антония (Вадковского), С. Ю. Витте и К. П. Победоносцева «как следствие вопроса о приходской реформе» (С. 368). Следует признать верным и замечание исследователя о том, что приходской вопрос, начиная с весны 1905 года, обсуждался в основном в трёх аспектах: возможности выбора духовенства прихожанами, возможности распоряжения ими церковным имуществом и обеспечения клириков устойчивым содержанием (С. 375).

О том, как шло это обсуждение, А. Л. Беглов и рассказывает в связи с разными темами, выше отмеченными, в третьей главе. В некоторой степени, его рассказ можно назвать и своеобразным очерком истории духовного сословия, но только в некоторой. Он умело

показывает, что вопрос о приходской реформе – много шире и серьезнее «материального аспекта» (то есть вопроса о материальном обеспечении клириков). А. Л. Бегловым воссоздаётся, выражаясь его же словами, долговременная динамика приходской полемики. И это последнее, полагаю, следует отнести к несомненным его достижениям.

Так, проанализировав Отзывы епархиальных архиереев, автор доказал, что значительное их число было сторонниками допуска прихожан к распоряжению церковными средствами (См. С. 421), хотя приходская реформа мыслилась ими «как *процесс*, который должен был начаться незамедлительно и идти вместе с другими церковными преобразованиями, поддерживая их и получая поддержку от них» (С. 457 – 458). При этом, он вынужден был признать, что не имеет ответа на вопрос о том, как были связаны мнения архиереев и их готовность непосредственно начать дело приходской реформы (С. 459).

На мой взгляд, – в лучшем случае опосредованно. Русские епископы были людьми своего времени и своего сословия, неразрывно связанными с тем, что условно можно назвать «синодальной повседневностью». Рассуждать о её изменении – это одно, изменять – совершенно другое. Удивительно хотя бы то, что архиереи нашли в себе силы заговорить о проблемах. Большого от них и требовать, к сожалению, было бы трудно. Впрочем, это отдельная тема, скорее имеющая отношение не к проблемам церковного реформирования начала XX века, а к социально-психологическим аспектам их /проблем/ восприятия в среде православных иерархов.

Замечательно подробно рассмотрен А. Л. Бегловым приходской вопрос в работах Предсоборного присутствия, IV отдел которого сформулировал цель приходской реформы как возрождение прихода в качестве церковной общины. Он показал, что большинство членов Присутствия желало реформировать приход «на основании синтеза иерархического и общинного начал с предоставлением общине прав самоуправления под контролем иерархии» (С. 590). Однако успех мог быть достигнут только в случае скорого созыва Собора, который, как известно, так и не был созван. Инициативу перехватила синодальная

бюрократия. Думается, что подобный сценарий в тех условиях был единственно возможным: надежда на Собор таяла по мере подавления революции и восстановления, хотя бы относительного, порядка, то есть прежних форм управления Церковью.

В этой связи показательно, что по мнению А. Л. Беглова, деятели IV отдела Предсоборного присутствия, который и рассматривал приходской вопрос, во многом не осознавали «той социальной реальности, которая порождала приходские и шире – церковные проблемы начала XX в., а потому не мог[ли] предложить действительно эффективные пути их решения» (С. 507). К сожалению, не только деятели IV отдела были лишены подобного осознания, но и абсолютное большинство православных архиереев и иереев. «Осознавало» же подавляющее меньшинство, одним из которых, к слову, был В. О. Ключевский, призванный к участию в работах Предсоборного присутствия, но так и не приехавший в С.-Петербург. 22 октября 1906 года, в дневнике, он жёстко констатировал: «Русской церкви, как христианского установления, нет и быть не может; есть только рясофорное отделение временно-постоянной государственной охраны». Подобное мнение, по понятным причинам, деятели Предсоборного присутствия разделять не могли. Тем более, что по мнению самого А. Л. Беглова, с 1907 г. стала просматриваться тенденция политизации приходского вопроса, которая достигла своего апогея в 1916 году (См.: С. 627).

Возвращаясь к оппонируемой работе, следует вновь отметить детальный анализ, проведённый А. Л. Бегловым, докладов и статей церковных публицистов и исследователей – знатоков приходского вопроса Н. Д. Кузнецова, Л. А. Тихомирова, И. С. Бердникова, М. А. Новосёлова и некоторых других. Его реконструкция «приходской полемики» позволяет понять не только, чем представления «правых» отличались от представлений «либералов», но также и то, что подобное «идеологическое» деление прилагательно к приходскому вопросу не всегда возможно и должно быть признано в некоторой степени условным. Нельзя забывать и того, что некоторые публицисты рисовали портрет «идеального» (с их точки зрения) устройства прихода, не всегда ясно представляя, насколько сей «идеал»

возможен в условиях реального времени. Однако, на мой взгляд, важнее отметить иное обстоятельство, показанное в работе: при разработке собственно синодальных проектов, «права прихожан, поле их самостоятельности неуклонно сужались», всё более отчётливо проводился «институтный» взгляд на православный приход. Причина этого выявлена А. Л. Бегловым достаточно чётко: «консервация порядка управления церковной собственностью в приходе указывала на то, что он должен был оставаться финансовым донором, а не самостоятельно действующей “церковной единицей”» (С. 809). Ничего нового и удивительного, добавлю от себя, в этом не было: в условиях синодальной «симфонии» это являлось скорее закономерностью, чем каким-либо «нарушением» порядка церковных форм и методов управления.

В связи со сказанным, попытки проведения приходских преобразований в последние месяцы существования самодержавной государственности в России заслуживают отдельного изучения и анализа. Понимая это, А. Л. Беглов и завершил третью главу обзором деятельности правительства Б. В. Штюрмера и имевшего скандальную репутацию митрополита Питирима (Окнова). В сложных внутривластных условиях «вопрос о приходе оказывался включён в политическую линию правительства по установлению благожелательных отношений с народным представительством» (С. 811 – 812). Более того, как пишет автор, «проблема приходских преобразований или её элементы (например, вопрос о материальном обеспечении духовенства) находились в фокусе внимания правительства на протяжении всего года» (С. 879).

Показательно и то, что приходской вопрос вызвал новое противостояние Св. Синода и Государственной Думы. А. Л. Беглов на примерах показал и, главное, доказал, что центральным вопросом противостояния были границы компетенции народного представительства в церковной сфере. Конечно, автор прав, когда резюмирует: «разобщённость общества в последний год Российской империи достигла своего максимума» (С. 880), но дело, думается, было не только в этом. Проблема заключалась в том, что многоконфессио-

нальная /многопартийная Дума с точки зрения синодальных членов не имела права решать церковные дела, в то время как депутаты имели по этому поводу совершенно иное мнение. Ситуацию могла изменить ликвидация прежней синодальной модели в её петровском варианте. Однако как эту «ликвидацию» проводить (и проводить ли) в тех условиях ни синодалы, ни сочувствовавшие делу приходской реформы думцы не знали. В результате сложилось парадоксальное положение, разрешённое революцией 1917 года.

Революционным пертурбациям посвящена заключительная – четвёртая глава работы А. Л. Беглова (*«Приход между “приходской революцией” и “канонической реставрацией”. Февраль 1917 – 1918 гг.»*). В определённом смысле эту главу можно считать своеобразным «послесловием» к основному тексту, в котором А. Л. Беглов достаточно кратко говорит о «приходской революции» весны – лета 1917 года; о попытках священноначалия её обуздать; о приходском вопросе на Священном Соборе 1917 – 1918 гг.; и о православном приходе в советский период. Он совершенно верно указывает, что «приходская революция» была существенным элементом революции церковной, повторяя аналогичные события 1905 года, но имея другой размах (С. 882). Прежде всего, он имеет в виду резкую активизацию столкновений прихожан с причтами, которые не характеризует (и справедливо) как проявление «антиклерикальных» настроений. Последние, конечно, имели место, но в данном случае корень проблемы следовало искать в другом – в указанной выше «приходской революции».

Лаконично пишет А. Л. Беглов о том, как пытался реагировать на неё Предсоборный совет, V отдел которого занимался проблемой «благоустройства прихода», а VII, среди прочего, рассматривал вопрос о приходском имуществе. Не разбирая подробно причины консервативности Собора, автор лишь констатировал, что принятый им «приходский устав» его определённую консервативность в сравнении с предшествовавшими проектами. Собор сохранил территориальный принцип формирования прихода, ставившийся под сомнение ещё в конце XIX в., и отверг тщательно проработанную процедуру, которая поз-

воляла учесть мнение прихожан при назначении в приход члена причта, делала принятие такого решения прозрачным. <...> . Собор после нескольких драматических раундов голосования остановился на компромиссной идее о необходимости существования в приходе двух собственников имущества и двух юридических лиц, которая восходила к проекту Предсоборного присутствия и первым синодальным редакциям приходского устава» (С. 933 – 934).

Думается, следовало бы сказать несколько слов о том, почему голосование оказалось «драматичным», и что заставило соборян остановиться на принятии «консервативного» приходского устава. Понятно, что это не входит в основные задачи, которые ставил перед собой в данной работе А. Л. Беглов, но всё-таки указанное пояснение содействовало бы лучшему пониманию «консервативности» членов Предсоборного присутствия и других участников решения приходского вопроса эпохи Первой российской революции.

Завершая исследование, А. Л. Беглов касается принципиального, на мой взгляд, момента, когда обращает внимание на то, что весной 1918 года произошла легализация «приходской революции» и её последствий. «Новые власти, – подчёркивает автор, – *невольно способствовали* этому – гонениями на Церковь и своим законодательством. Тем самым легализация “приходской революции” стала возможна именно в условиях гонений; в ситуации мирного существования Церкви её последствия были бы сильно ограничены, как это видно из проектов Священного Собора 1917 – 1918 гг. Однако именно самоуправление прихожан, ставшее следствием “приходской революции”, позволило Русской Церкви пережить первый натиск большевистских гонений 1920-х гг. и противостоять обновленческому расколу». (С. 940; со ссылкой на монографию А. Г. Полякова /№ 2177/). Советская власть осознала свой просчёт и в годы «великого перелома» нанесла удар по приходскому возрождению (С. 942).

Подчёркивая тезис о самоуправлении прихожан, А. Л. Беглов, со ссылкой на Г. Фриза, пишет, что по оценкам последнего до 2/3 священников, служивших к концу 1920-х гг., не

были выходцами из духовного сословия (С. 941 – 942). К сожалению, согласиться с сим сенсационным заявлением уважаемого профессора достаточно проблематично: получается, что всего за 10 лет «кадровый состав» прежнего православного духовенства удивительным образом обновился. А куда исчезли прежние десятки тысяч (почти 50 тысяч священников на 1913 год -?).

Вопрос остаётся без ответа, даже с учётом репрессий времён Гражданской войны и вынужденной эмиграции нескольких сотен православных клириков.

Полагаю, что дело было не в сенсационном «обновлении», а в «приходской революции» – как таковой, – заставившей православных пастырей по-новому взглянуть на свои отношения к приходскому вопросу в целом и к прихожанам в частности. А. Л. Беглов абсолютно прав, когда указывает, что после Февраля 1917 года «прихожане явочным порядком реализовали ту реформу, о которой так долго говорили энтузиасты приходского вопроса». Миряне стали распоряжаться церковно-приходским имуществом, отстранять и выбирать членов причта. Последнее, как справедливо замечает автор, и запустило процесс разрушения духовного сословия. Правда, по мнению А. Л. Беглова, процесс этот завершился в 1920-е годы (С. 957). Если под разрушением понимать ликвидацию сословной замкнутости, то, безусловно, 1920-е годы следует признать важной вехой на пути к уничтожению духовного сословия *как сословия*. Если же, вслед за Г. Фризом, говорить о тотальном (2/3-!) «обновлении» священнического корпуса, то едва ли. Получается, что в условиях беспримерных гонений на Церковь и веру, с учётом непрерывно сокращавшихся приходов и ликвидацией священнических мест, священниками решили стать сотни (если не тысячи) представителей иных сословий. Следует определиться.

Подводя итоги проделанной А. Л. Бегловым огромной работы, следует отметить, что её объём создает некоторые трудности при чтении; в некоторых местах работа напоминает обширную справку, от сокращения которой общий контекст никак не пострадал бы. Бросается в глаза и явная непропорциональность глав. Понятно, что всё это – «техниче-

ские мелочи», никак не влияющие на общую исключительно высокую оценку диссертации, но сказать о них, думается, следует, с надеждой на то, что в обозримой перспективе диссертация будет опубликована в качестве монографии. Следует особо отметить материалы, включённые А. Л. Бегловым в «Приложения». Они имеют самостоятельную ценность, помогая заинтересованному читателю лучше понять динамику развития православных приходов Российской империи в последние пятьдесят лет её существования, рост числа священников «епархиального ведомства», среднее число верующих, приходившееся на одного священника, среднюю площадь православного прихода и многое другое. Материалы «Приложения» можно назвать энциклопедическими справками, без которых многие факты, приводимые в работе, выглядели бы менее убедительно.

В целом, не будет преувеличением сказать, что диссертация Алексея Львовича Беглова «Православный приход Российской империи на рубеже XIX – XX вв.: состояние, дискуссии, реформы» вносит существенный вклад в изучение истории Православной Российской Церкви Синодального периода, написана с глубоким и всесторонним знанием источников и литературы. Тексту диссертации полностью соответствует и правильно оформленный автореферат. Основные положения работы нашли отражение в монографиях и многочисленных статьях автора, в том числе и опубликованных в журналах, реферируемых ВАК Российской Федерации.

Работа полностью отвечает критериям, установленным Положением ВАК Российской Федерации, является самостоятельной законченной научно-квалификационной работой, которая представляет собой исследование актуальной проблемы, характеризуется научной новизной, теоретической и практической значимостью, отвечает требованиям п. 9, п. 10, п. 11, п. 12, п. 13, п. 14 Положения о присуждении ученых степеней (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842).

Таким образом, можно утверждать, что А. Л. Беглов заслуживает присуждения искомой ученой степени – доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

.Официальный оппонент

доктор исторических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО
ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический

университет имени А. И. Герцена»

РГПУ им. А. И. ГЕРЦЕНА

подпись

С. Л. Фирсов

С. Л. Фирсов

Сергей Львович Фирсов

удостоверяю «*В*» *02* 20*10* года

Отдел персонала и социальной работы
управления кадров и социальной работы

Ведущий документовед
отдела персонала
и социальной работы
В.В. Рубинчик

В.А. Лопатин

В.А. Лопатин